

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0051.02.02.

Тape #2

- Ну, мы теперь можем продолжить наш разговор. Вы говорите, что можете еще кого-то назвать?

- Да, двоих еще, двое еще были. Миша и Анатолий, они тоже были из числа военнопленных. Анатолий – москвич.

- Так.

- Нет, нет. Миша – москвич, а Анатолий – украинец.

- Понятно.

- Было вот так вот. Они тоже в этой команде были, в команде по уничтожению еврейского населения. И они тоже жили вместе с нашими девушками, тоже в нашем же районе, в общем аналогичная, такая же история, как была и с этими...

- Ну, они приходили в ваш дом или в другой дом они приходили? Вот Анатолий и Миша...

- Они приходили в другой дом, но рядом дома были, Борщевские, их еще дома были.

- Борщевские, это девушки?

- Да.

- А истории про акции вы слышали от Анатолия и Миши, или от Вани и Васи все-таки?

- Про акцию я слышала, значит, от Анатолия и Миши.

- Анатолий и Миша все-таки рассказывали, да?

- От Анатолия и Миши, да.

- А как получилось, что вы слышали эту историю, если они ходили в другой дом?

- А, ну, мы вместе все равно общались, эти дворы соединялись, ну это было...

- Вы были у кого-то там в гостях?

- Да мы ходили все время друг к другу, да. Вот это трудно сейчас, наверное, представить, но почти вот как деревня, вы понимаете? Мы живи на улице, вот эти деревянные дома, все друг друга знали. Одни ходили к одним, другие ко вторым, они между собой общались, и там присутствовали, слышали эти разговоры. Особенно с девушками, эти девчата больше рассказывали, чем эти самые полицейские.

- Там еще какие-нибудь подружки слышали эту историю?

- Ну, на то время да, конечно. На то время слышали.

- Вы помните, с кем вы были тогда?

- Ну, если это сейчас, если это сейчас, то сейчас уже, наверное, сейчас уже наверное...ну наверное, Зоя Васильева, была такая, она могла это слышать...

- Могла слышать?

- Да, Зоя Васильева могла это слышать. Ну, вот я имею в виду из тех, кто еще на данный момент есть из живых. Ну, видимо так вот и...

- Я еще хочу у вас спросить, вот какое было у жителей, отношения к этим девушкам, которые жили с этими полицейскими?

- Нормальное.

- Нормальное, да?

- Нормальное. А что мы могли сделать? Мы ничего не могли сделать. У них было своя жизнь, мы сами выживали каким-то образом в нашей семье. Ведь знаете, три года оккупации, три года. Ведь нужно было как-то жить, нужно было прятаться, выживать, питаться, скрываться. Ну и например вот, как наша семья жила, которая не только себя сберегла, мы все втроем остались живы: отец, мама и я. Ну, вот мы еще двоим дали возможность, так сказать, выжить. У немцев все было очень четко, приказы, за приказами. Они бесконечно вывешивали эти приказы, радио же не было, и по телевизору ничего не сообщали, все на столбах, что нужно было делать, когда и прочее, прочее. Но немцы здесь три года жили, и промышленность тут работала, мы жили на территории пивного завода. Немцы пивной завод не разбомбили, вообще я так думаю, что немцы знали, что нужно жечь и что бомбить. Потому что: жилые дома горели, деревянные дома горели, центр из жилых домов тоже весь был уничтожен, но самые крупные строения, в которых расположилась вся эта немецкая власть, они остались. Дом правительства, остался, значит, цел, остался, оперный театр, осталась типография, первая клиническая больница, вторая клиническая больница, третья клиническая больница. Такие, большие, огромные здания остались, где немцы расположились. Это же нужно было все обслуживать, поэтому население работало, а немцы за это давали карточки, продовольственные. Ну и в частности, мой отец тоже устроился работать на электростанции, конюхом, конюхом на электростанции, то есть он ухаживал и следил за лошадьми, которые в свою очередь подвозили продукты в столовую, на которой работали, значит, рабочие, обслуживающие электростанцию. Таким образом, значит, мы выживали и помогали другим. Поэтому, вот, общались между собой.

- Я хочу спросить еще вот. Вот эти полицейские, они рассказывали, что они ездили в другие города, или в другие деревни...

- Нет.

- Нет?

- Они рассказывали, как они участвовали вот в этих акциях.

- И эти акции происходили...

- При том, что они всегда в пьяном виде были, понимаете? Понимаете, какой тогда народ был, и что им было, как говориться терять.

- Вот как долго, до какого года или месяца, если помните, они рассказывали такие истории, про евреев, про акции?

- Сколько это продолжалось, столько они и рассказывали.

- И как долго продолжалось?

- Пока, когда это, до конца 43его года.

- До конца 43его?

- Да, до конца 43его.

- А после того, как они уничтожили евреев, чем они тогда занимались, эти полицейские?

- Они ушли с немцами. Те, которые остались живы, они так с немцами и ушли, все. Куда они ушли, где они ушли, где они были, я не знаю. Единственное, Мишу, я после войны встречала, уже, когда я вернулась из Риги, я жила там какое-то время, я встретила Мишу. Он меня узнал, и я его узнала, я так растерялась и он видимо тоже, что мы прошли мимо друг друга, и ничего и молча и все. Это был единственный раз, единственная встреча, когда мы, молча, посмотрели в глаза друг другу и разошлись. Все, я больше его не видела, но значит, он остался в Минске. Это уже было, я вам сейчас скажу когда это было, это было через лет 25 после окончания войны.

- Угу.

- Прошло время. Но у нас были еще и другие полицейские, в частности к нам заселились в квартиру, еще в которой мы жили. Это были полицейские из города Людиново.

- Людиново?

- Людиново – это Россия, это Брянская область. И эти вот чем они уже занимались, я не знаю. Но они были одеты в немецкую форму и они пришли в Минск, значит, прибыли в Минск, вместе с так называемым там фон Бенкендорфом. И у меня в домовой книге записи есть всех проживающих в нашем доме, и в том числе этих полицейских и отметка, значит, отметка у кого они служили и с кем они служили, именно с фон Бенкердорфом. Под началом вот этого...

- А эти полицейские они были русские?

- Они русские были, они абсолютно были русские и они были с семьями. И они заселились в нашем доме, в одной из квартир, где жил когда-то жил Криптон – доктор, заселились из гетто – поменялись. И эта семья, сын их, был в минском подполье, и их в общем, потом значит немцы, вывели этих подпольщиков и уничтожили и этого Геннадия - подпольщика, тоже вывели и его семью: маму и отца, Ясинских...

- Ясинские, это семья, которая стала проживать в квартире этого доктора?

- Да, да, в квартире этого доктора. А дочь доктора сейчас в Америке живет, она уехала.

- Вот эти полицейские, они в начале войны появились или уже попозже?

- Попозже. Они уже в конце войны появились. Когда уже настало наступление русских войск, и когда уже стали освобождать территории, в том числе и Брянскую область и начали двигаться на Беларусь, вот они постепенно с немцами отступали, и отступала вот эта часть этого Бенкендорфа, в которой служили эти полицейские.

- А чем они занимались?

- Они не говорили, чем они занимались, вот, но они прибыли в немецкой форме и прибыли с семьями, они жили вот у них. А вторая семья, семья Ивановых, они жили в квартире этого Клипсона, а вторая семья, по фамилии Хабровы, значит: жена, он и двое сыновей; они жили в нашей квартире непосредственно. У нас было три маленьких комнаты. Они заняли, правда, одну только комнату, а в двух по-прежнему жили мы. Чем они занимались...этого...

- Неизвестно?

-...этого я не знаю. Ну, они уже были с пистолетами, видимо, они, наверное, на каких-то почетных должностях у немцев служили.

- Вы вот рассказывали, что часть полиции ушла с немцами...

- Да.

-...а кого-то вы видели в Минске.

- Ну, вот единственный раз...

- Мишу

- Да, Мишу.

- Вы знаете случаи, когда бы кого-нибудь из полицейских судили, вам известны такие случаи?

- Нет.

- Вернемся к рассказу о ваших знакомых девочках, вот вы говорили, что Ида, попала в детский дом, и она там осталась до конца войны?

- Да, она встретила освободителей, армию освободительную, именно в детском доме.
- А вторая девочка, Нина?
- А вторая девочка, Нина Цейнтлина, ее судьба такая: она пришла к нас тогда, когда ее мама погибла в гетто, с младшей сестричкой Таней.
- Мама погибла с младшей сестрой?
- Мама погибла, а Нина была у нас в этот момент, когда был один из погромов, Нина была у нас. Нину нам было легче, но соседи все равно знали, Нину нам было легче при себе держать, потому что, она была внешне, такая вот как белорусская девочка.
- Ага.
- Вот, по фотографиям это видно даже.
- Просто, я уточню, мама и сестричка, они погибли во время акции?
- Во время акции, да.
- Ага.
- Да, да. Во время акции.
- Их убили?
- Да, их убили. А Нина была с нами, когда акция кончилась, она уже никого не нашла в живых.
- Чисто случайно она оказалась у вас?
- Да, она чисто случайно оказалась у нас. Отец мой потом, значит, в нашей одной из комнат, под круглым столом, вот круглый стол, такой, как у нас в кухне стоит. Он под круглым столом выкопал яму, на случай, если где-то, что-то, очень такое и девочки тут же, моментально, спускались в эту яму. А стол был закрыт скатертью. Вот, ну это так вот, значит, к слову. И Нина, когда узнала, что мамы нет, ну куда, она опять вернулась к нам.
- В тот же самый день?
- Нет, не в тот же самый день. Видимо, я даже не знаю.
- Попозже, в общем?
- Попозже, да, попозже. Вопрос стал, что делать с Ниной, как Нину сберечь? Опять-таки, значит, с 20ого год по 30й год, мой отец служил на границе. С 30ого года, значит, по 34й год, он был, тогда, организовывались колхозы, и он был председателем колхоза, в Минском районе. В Минском районе, да, в деревне: Палково, Хомичи, Невеличи; вот в этих деревнях он был председателем колхоза. И там оставались. А потом, уже после

34ого года, он, значит, вернулся, переехал в Минск, вместе с нами. И в этих деревнях оставались очень хорошие знакомые люди. Люди преданные, честные и они очень уважали отца, видимо потому что, он с ними нормально там работал в колхозе. И до войны даже, до войны, я часто бывала у них в деревне, просто отдыхала среди этих чужих людей. Там были мои ровесники, фамилия Калоша, там значит, такие были: Калоша, Сорока. Я у них бывала летом, в этих деревнях, до войны. Когда началась война, и были сильные бомбежки, уже со стороны русских, русские тоже иногда сюда иногда бомбили, во время нахождения здесь немцев; меня родители, тоже отправляли туда, в деревню, там было безопаснее от бомбежек. И тогда, что? Когда Нина, к нам сюда вернулась, отец меня и эта нашу Нину отправил в эту нашу деревню к знакомым, и в частности к семье, Бартиловских, такая была семья.

- Бартиловские?

- Да, Бартиловские. Бартиловский, он значит, Станислав Александрович. А он значит в то время, был оперуполномоченный партизанского отряда. И он посещал нас, по заданию партизан он находился в Минске. Периодически, и находился прямо у нас, ночевал. И отец с ним договорился, мол, Стас, такое, вот значит, такое дело, забери девочку, вот нужно как-то спасти девочку. Стас говорит, мол давай вместе со мной, с Раей, пусть Рая вместе с Ниной приедут к моим родителям в деревню Невеличи.

- Угу.

- А я, говорит, найду возможность и Нину заберу в партизанский отряд, в рабочий отряд, который обслуживал самих партизан, там: сапожники, повара, прачки и прочее и прочее. Отряды были такие рабочие, у партизан. И он говорил, что я ее туда заберу, так и получилось. Мы с этой Ниной, были у этих, я назвала фамилии людей. У одних проживем неделю, у других проживем неделю, с одной деревни, переедем в другую. Люди меня там уже знали, так как я там бывала неоднократно. Ну и Нина вместе со мной была.

- Угу.

- Пока, значит да, Стас этот, Станислав Александрович, не взял и не определил ее в партизанский отряд, именно в рабочий отряд. Таким образом, Нина осталась жива. Все, после войны она...

- Когда вы приезжали из деревни, люди догадывались, что она была еврейка?

- Нет, те, которые крайние нет. А те, которые близко к нам, у которых мы ночевали, они знали. Ну, естественно.

- А вы сами говорили или они просто догадывались?

- Ну, они догадывались, конечно. Догадывались, конечно, знали. Я не знаю, родители говорили, может, что-то им. Но у нас лично и у меня лично, они не спрашивали кто такая Нина и прочее и прочее.

- А вот, вы тоже говорили, что соседи, ваши, знали, что Нина и Ида были еврейками...
- Да, да.
- Родители ваши не боялись, когда...
- Вы знаете, получилось так, что когда мы заселились, у нас Козловых семья была и Лисинских...
- Это новые, которые щаселились?
- Новые, да. Которые пришли.
- Прямо в 41ом?
- Да, в 41ом.
- Вы их почти не знали?
- Да, мы их почти не знали. У Козловых, значит, была дочь, Зина Козлова и сын Володя Козлов. И они были в минском подполье, молодые люди, им было по 18, по 20 лет. И у Ясинских, Геннадий, тоже был в минском подполье. С одного двора, друг с другом, значит, они общались, и они все втроем были...ну, как же, если они из подполья, они же не будут выдавать этих девочек. Естественно нет. Нам повезло в этом отношении с соседями, что они знали и про Нину знали, и про Иду знали, но выдать, они не выдали. Таким образом, и нам повезло и им повезло, этим девочкам. Хотя, видимо, уде потом где-то, что-то, какие-то слухи дошли, и когда уже были полицейские из Людиново, один из них зашел к моему отцу, в таком...уже не совсем, в общем уже чуть-чуть под алкоголем, и начал с отцом, вечером, это был вечерний визит, начал разговаривать, и так и эдак и все. А потом, потом, говорили на отвлеченные темы, а потом он достал пистолет, поднял скатерть, и выстрелил в пол. Молча. И в этот момент, он смотрел на моего отца, очень выразительно. Отец точно также смотрел на него. И все. Папа говорил, это было немая сцена, он ничего не сказал, он просто выстрелил туда вот в пол.
- Угу.
- Потом улыбнулся, встал и вышел. Значит, ясно, что где-то, что-то просочилось, но он ничего не рассказал. Вот и все. Вот это просто такой маленький эпизод был.
- Там никого не было уже?
- Нет, нет. Никого не было, никого не было.
- Понятно. Вот вы именно уточняли такую деталь, что акции, и вы говорили, вы называли числа, 7ого и 8ого ноября.
- Да.
- Откуда такая точность? Как вы помните, что именно 7ого и 8ого ноября были акции?

- Ну, я не могу сказать, что я точно помнила всю эту жизнь. Но я знала что, что это было очень холодно и первое время я наверное помнила все эти числа, потому что это было известно, стало известно, что евреев стали уничтожать. Естественно, все знали, полицейские знали, все. Но, эта была именно первые акции, 7ого и 8ого, вот...

- То есть два дня подряд?

-...но, вы понимаете, что я помню, лично, почему, именно 7ого. Было очень холодно, и был морозный, морозный день. Извините меня, но у нас, же отапливаемых туалетов не было, все было на улице, все это такое. И это в любое время суток, нужно было куда-то выходить и уходить. И когда, значит, я помню, очень хорошо это, когда я вышла, значит, вечером, поздно, на улицу, воздух был морозный, а города почти не было, это же деревянные вокруг нас дома, и я очень отчетливо слышала пулеметную очередь. В морозном воздухе, это было очень хорошо слышно. Ну и все. Я пришла, домой, я сказала, а на завтра, на послезавтра, мы узнали, что там произошло. Были слышны вот эти вот, выстрелы.

- Откуда эти звуки были слышны?

- Там где их расстреливали, это же за городом.

- Выстрелы шли не со стороны гетто, а с других сторон?

- Ну, трудно мне определить.

- Ничего не было видно как бы?

- Нет, нет, нет. Не было никаких огней, город был в темноте.

- Понятно.

- Никакого освещения ведь не было во время войны никакого. Я вот просто, вот помню лично я, вот это звук, вот я запомнила.

- И это было несколько минут всего лишь?

- Нет, это было долго.

- Это было долго?

- Да, это было долго.

- Вы там простояли все это время на улице?

- Ну, я простояла какое-то время, потом я пошла домой.

- И все это время были слышны эти звуки?

- Да, а потом, уже утром, мы узнали, что там были погромы. Вернее, тогда их даже не называли погромами, людей, тогда просто убивали, расстреливали, убивали и все. Слово такого тогда еще даже не произносили.

- А вы тогда узнали, куда людей водили или где их убивали? Люди как-то комментировали на этот счет?

- Ну, вот они говорили, вот эти вот полицейские, одни, вот эти говорили и другие говорили, эти ребята, одни и вторые; что они за вот теперь вот, кладбище у нас есть вот, Кальвария, теперь вот это центр города, а тогда это была окраина. Вот, они говорили, что значит туда.

- Туда их возят, да?

- Да, туда.

- Туда, на окраину. И вот на эту акцию, как они выбирали: кого попало или порядок какой-то, часть гетто, например?

- Да. Вот было там и получилось так, что все наши евреи, с нашего двора, в котором мы жили, они попали в первую акцию. В первую, потом во вторую, и наверное в начале, уже в частности, в начале 42ого года, евреев с нашего двора, почти никого не было.

- В гетто вы имеет в виду, да?

- В гетто, да, в гетто. Потому что они на Замковой улице, проживали все, на Замковой улице. А Замковая улица, сейчас около реки находится, сразу около реки. И они, значит, они попали первые под эту акцию. Гетто уничтожали так, что... вот если это было гетто, то его по периметру, уничтожали гетто. И его все время, сужали, сужали, сужали; до центра.

- А они жили на краю гетто, да?

- А они жили на Замковой улице, на краю здесь, поэтому они же в первое время были и убиты.

- Так что, когда вы пошли в гетто, чтобы увидеть своих знакомых, их там уже не было?

- Нет, первое время, я значит ходила, на два, три раза, не больше, в самом начале. Вот. А потом, уже, когда начался погром, я уже в гетто не ходила, меня уже родители не пускали, не разрешали туда. А в начале, в самом начале, я ходила в гетто, девочки сюда приходили из гетто. Я носила им туда какую-то передачу, мама им делала кушать. И ходила я в гетто, до тех пор, пока со мной не случился такой казус, когда я там осталась ночевать. Было поздно, и я осталась ночевать, в гетто. А меня дома искали, где, кто, что, и я сказала, что я пошла туда отнести покушать. Отец меня пошел искать, вечером поздно, и я уже рассказывала, как его тоже, поздно вечером затащили в гетто. Вот.

- Расскажите, про этот случай.

- Да. Ушел он тоже на Немигу, от нашей улицы от “Сторожевки” с этой стороны, а поздно было, уже совсем темно, и полицейский, охрана там гетто, его прихватила, отца моего. Он был коренастый такой, худощавый. Ну, фотография у меня есть. Папа интеллигентный человек был. И они его затащили в гетто. Ну, там начали ругаться на него полицейские, подумали, что он еврей. А он говорит, что нет, он русский, начал креститься, я говорю, дочку свою ищу, вот нет ее долго, я хожу по улицам, ее разыскиваю, но сам не сказал, что я в гетто. Но, вот, нет, ни в какую, и затолкали. Но, как папа говорил, что ради интереса, вот им надо было какое-то мероприятие, развлечение; они затолкали его в гетто, вызвали старого еврея и говорит: “определи, русский он или нет?” И да евреи сказали, что да, он не еврей.

- А как определяли?

- Брюки сняли и определили. Вот и тогда они значит, со свистом и со смехом отпустили отца. Он пришел домой, утром пришла я и уже все, в гетто больше не ходили.

- После этого, вас не отпускали?

- Это был такой эпизод, с моим отцом.

- А скажите, пожалуйста, вот эти соседи другие, Есинские, Козловы; вы говорили, что они в подполье были?

- Да, да.

- А как вы узнали, что они в подполье были, вы после войны узнали, или тогда уже известно было?

- Нет, тогда мы...вы понимаете, было известно тогда, но здесь подполье было очень, такое распространенное. Минское подполье, это был особый такой случай. И было оно, вроде как клановое оно, не было такого, что оно, одно подполье, одно руководство и все.

- Группы какие-то?

- Группы были, совершенно верно. Ну и вот, значит, вся наша молодежь со Сторожевской улицы, я знаю многих и знала тогда, они были связаны с минским подпольем. Некоторые из них остались живы, некоторые нет. В частности, все трое: Володя, Зина и Геннадий, они в минском подполье погибли и мало того, значит во время допросов, узнавали, кто их семьи и семью Ясинских забрали и всю уничтожили и Козлова, отца только, матери у них не было. Мать была у них еврейка, у Козловых, во время, во время...перед...в самом начале войны, в самом начале войны, собралась группа евреев, и сказали, они были коммунисты и сказали, что не на что надеяться, что немцы будут уничтожать всех коммунистов и мы должны в общем, покончить сами с собой.

- Угу.

- И короче говоря, они развели какую-то отраву, собралась группа, это вот нам рассказывал сам Козлов, муж вот этой еврейки. И часть из них выпила, ну вроде она выпила точно, и погибла; а часть евреев не стали пить. И он остался этот Козлов с дочерью Зиной и с Володей. И вот Володя и Зина, были в немецком подполье, и когда это подполье провалилось, тогда арестовали и отца.

- Вы видели, когда арестовывали?

- Когда арестовывали, нет. Арестовывали в основном так сказать тоже вечерами и все это. Но утром мы поняли, что уже нет, ни Ясинских, ни Козловых. Их все, нет.

- Их забирали в одно и то же время?

- Да, в одно и то же время.

- Но вы не слышали даже когда к ним заходили?

- Нет, нет.

- Ничего?

- Нет, нет.

- И они не вернулись?

- Не вернулись, ни один. Ясинский Шура, звали маму этого Геннадия, она рядом же жили за стенкой, друг у друга, моя мама с ней очень подружилась. И она, когда их арестовали, и по нашей улице водили на работу евреев, по нашей улице водили на работу вот этих всех заключенных, которые были арестованы по этим, так сказать, делам, подпольщиков, подпольщиков и прочее. И мама встретила Шуру, когда она шла в колонне рабочих. По нашей же улице, шла она мимо этого же дома где она жила. И мама ей тоже передала передачу и один раз и второй раз, а потом ее не стало, не стало. И когда мама опять вышла на встречу, определенную, маме сказали, что Шуры уже нет, она погибла. У нас здесь на, около Комаровки, было, значит, на Широкой улице, место, где содержали и евреев, и подпольщиков, короче говоря...

- Это было что-то вроде тюрьмы было или что это было?

- Это лагерь был, это лагерь был.

- Лагерь?

- Это концлагерь был, здесь, на Широкой улице.

- Это лагерь был, да?

- Да, лагерь, концентрационный лагерь.

- Вы его видели, этот лагерь?
- Да, мы мимо проходили. Он как раз, когда кончались эти казармы, и начинался этот лагерь, это было почти на территории этих казарм. Вот этот лагерь.
- И что он собой представлял?
- За казармами, за казармами, ведь уже было поле. Солдаты там обучались стрельбе...
- Как полигон?
- Как полигон, да. Он стоял за казармами, и вот частично этого полигона, оно вообще-то болотистое место такое было, и вот там организовали вот этот лагерь, вот там было такое место. Но в глубину, туда уходил этот лагерь, а с улицы ворота были, огорожено было...
- Забором настоящим?
- Да, забором настоящим. И в эти ворота въезжали, выезжали, вывозили на работу, и значит, отвозили назад в этот лагерь. Вот там были, там были, какие-то еще деревянные постройки...
- В которых жили эти заключенные?
- Да, в которых находились, значит, все вот эти заключенные. Ну, это тоже рядом было, там, где мы жили. Совсем близко, совсем близко.
- Он всю войну просуществовал?
- Всю войну.
- И все время там были заключенные?
- Все время там были заключенные, сейчас там есть мемориальная, мемориальный камень, на этом месте, вот, обозначено место это.
- Если я правильно понимаю, вы говорите, что там содержали разных заключенных?
- Да.
- И подпольщиков и евреев?
- Да.
- Кого еще, были еще какие-нибудь другие категории?
- Ну, наверное, какие-то другие категории, ну всякие там были. Заключенные, которые вне тюрьмы, в лагере находились.
- Их специально там для работ держали?

- Не только. Там и для работ держали и держали временно, пока не брали и не уничтожали.

- Вам было видно, сколько там народу находится внутри?

- Нет.

- Не было видно?

- Нет.

- Охраняли немцы или полицейские?

- И полицейские и немцы. Ну, немцев в охране было мало, в основном в охране были полицейские.

- Помните, какие полицейские? Вот вы говорили там были украинцы, латыши, литовцы.

- Ну, я говорю, что с литовцами и латышами мы не знакомы были, мы не общались, мы не знакомы были. Они не общались с нашими, вот, с белорусами с русскими. А вот эта категория, да, этих я хорошо знаю, четыре человека, да я знаю хорошо их. Знала и внешне и все. На работу.

- Я хотела спросить, на работу их водили немцы или тоже полицейские, когда вот, вывозили оттуда, чтобы они, чтобы их на работы выводили?

- Ну, я не знаю, выводили и те и другие конечно. Ну, в основном, конечно, были полицейские, немцев было, он был как руководитель.

- А что за работы они делали?

- Расчистка города, во-первых, если это нужно было, построить где-то, что-то, дополнительное. Ну, вот, потом, еще они обслуживали как портняжное дело, как сапожное дело. Вот, мой папа работал на электростанции. Это же все в ручную, надо было загружать эти печи углем и прочее, прочее.

- Их сюда тоже водили?

- Тоже водили, да, да. Вот такие работы были.

- Я хотела спросить у вас еще. Евреи, еще в городе, до того, как их забрали и в гетто, они носили какие-то знаки, отличительные?

- Да, носили.

- Что за знаки?

- Эти знаки потом уже называли "латы". Это, если где-то была звезда Давида, то у нас были круглые.

- Круглые?

- Кругленькие, да. Желтые, кругленькие, из желтой материи, круглые нашивки, и все. Нашивали впереди и сзади, в обязательном порядке. Но, вот те, которые, как дети выходили, они прикрепляли булавками чаще всего, а не пришивали. Потому что, когда из под проволоки он ушел, он ее снимает, естественно...

- Чтобы не узнали?

- Да, чтобы свободно по городу... Еврей один, свободно по городу ходить же никак не может. Когда выходили с гетто, они снимали это, когда возвращали, они снова одевали эти нашивки. Потому что, в гетто были полицейские или немцы, если бы они увидели еврея без латы, они тоже наказывали за это, без нашивки.

- Они стали носить такие нашивки, только после того, как в гетто их забрали?

- Да, да.

- А до этого, не носили?

- Нет.

- То есть, это конкретно связано с нахождением на территории гетто. У меня такой вопрос, или даже, скорее всего уточнение. В прошлый раз, на интервью, вот из записи, вы говорили, что евреев забирали эсесовцы, и увозили туда на Замковую улицу, сейчас, как бы вы сказали, что был приказ, и евреи армии туда пошли. Можете объяснить?

- Ну, естественно приказ был, они подчинились этому приказу и они стали уходить, евреи туда, ну как.

- То есть они сами пошли?

- Ну, конечно сами.

- Были случаи, когда вы лично видели, когда кого-нибудь в городе расстреливали или вешали или арестовывали, может быть? Вот такие эпизоды видели?

- На счет арестов, я вот так сразу не скажу, а на счет того, как вешали, да, мы видели, как вешали. И у каждого из них была надпись...

- Таблица была?

- Да, табличка такая, партизан он или подпольщик, или помогал он партизанам, разные эти были таблички, с разными нашивками. Но вешали, да, вешали людей, есть места в Минске, которые определены, я все это видела.

- Где вы видели, лично?

- Я лично видела на Комаровке, где филармония сейчас у нас, вот я там видела. И видела возле, в сквере Янки Купалы. То есть в сквере Янки Купалы и на Комаровке. Понимаете...

- На Комаровке?

- Да. Понимаете, как это получается, утром просыпаемся, где-то, кто-то, что-то сказал. Говорит, мол там и там висят, повесили людей. Ну, нам конечно было по 12 - 13 лет, то есть дети, мы должны были моментально все это увидеть. Мы шли на эти места и мы это видели.

- И на Комаровке, когда вы подошли, сколько людей было повешено?

- Трое было.

- Трое?

- Да.

- Это все мужчины или женщины.

- Чаще всего, это было, двое мужчин и одна женщина. Очень часто, просто двое: одна женщина и один мужчина. Почему-то, как то так. Ну и были просто мужчины.

- Молодые люди или старые?

- Ой, вы знаете, это трудно было определить, когда, они, такие уже...ну там, вы понимаете.

- И, на Комаровке вы несколько раз видели или один раз?

- Один раз.

- И на Янки Купалы тоже один раз?

- Да, да, да. Только один раз.

- И тоже самое, только двое, трое людей?

- Да, там двое на Янки Купалы было, на Комаровке трое.

- Угу, понятно.

- Да.

- И вот на них были таблички с таким описанием?

- Да, да. На каждого из них вешали вот такую табличку.

- Угу.

- Еще, вот такой этого я не видела, но это видел мой отец. Это видел мой отец, когда утром шел на работу, это было зимой. Я сейчас уже не помню, в каком году это было, либо в 43м, либо в 42ом, но это было зимой. Вот так, очень морозная была зима. И шел он утром на работу, транспорта ведь не было, это было далеко довольно таки, расстояние, где мы жили, и где он работал. И он вышел, на Центральную улицу, на нашу, теперь это проспект, и остановился. Остановился от того, что вдоль всей улицы, лежали мертвые люди.

- Что за люди он не понял?

- Он понял, что это были военнопленные. И как он сказал, что их перевозили, точнее, перегоняли с одного какого-то места, в другое какое-то место. Это были военнопленные. Почему их там расстреляли я не знаю и нигде в литературе...я уже в литературе это встречала, что значит вот были расстреляны люди, но почему, и вот как и что, я вот, почему, то нигде я про это не видела, то есть не слышала и данных каких-то у меня нет. Но лично мой отец, это видел, это видел.

- Но он потом вам об это рассказал, да?

- Да, потом рассказал.

- А вы другие случаи не видели лично?

- Нет, другие не видела.

- Вы не знаете, с тем имуществом евреев, которые жили в городе, а потом перевели в гетто, они естественно не могли все забрать с собой, что случилось с ним?

- Ну, в смысле вот такой вот одежды, они забирали с собой. Ну, драгоценности, одежду, они забирали. У наших евреев, я не знаю, как, кто, где; но у наших евреев, ничего не было, это были очень бедные люди. Там каждая семья занимала комнату. Это были парикмахеры, это был...была продавец, это была медсестра, вот такие специальности были. И жили они, очень, очень скромно, Если говорить на сегодняшний день, очень бедно. Им лично нечего было забирать, никакой мебели, ничего. То что имели, в основном, то что там оставалось, этим пользовались и то что здесь оставалось, этим тоже пользовались. Забирали вещи только, вот и все.

- А в других домах вы не знаете что произошло?

- Нет, этого я не знаю, что у них. Единственное, конечно, что только, в гетто надо было жить, значит три года, значит не полных три года. Кушать ведь надо было что-то, поэтому проходил обмен продуктов на вещи. Это было возможно, поэтому меняли и все там. Так как наши, на территории, на русской территории, людям нужно было одеваться каким-то образом, они обменивали какие-то продукты. Притом, вы понимаете что, наша семья, во-первых карточки наша семья получала, по ним мы получали какой-то хлеб, и что-то еще такое. Но, мыв основном, вот наша семья, на пожарище, вот пожар, дома, которые погорели, там, же была очень плодородная почва,

и это было напротив нашего дома, погорелище это. Мы там садили картошку, садили помидоры, садили свеклу, понимаете? И что интересно, не было такого, знаете, чтобы люди воровали друг у друга. Или вообще не садил, кто-то что-то, или каждый только свой участок, огородик этот держал и пользовался этим. А чтобы воровство наблюдалось, нет. И я сейчас вспоминаю аналогию, аналогию, значит вот Ленинградской блокады, где есть абсолютный исторический факт, машина везла хлеб в магазин, для того, чтобы люди получили эти 100 граммов по карточке, и бомба попала рядом, в общем, разбомбили эту машину с хлебом. И этот хлеб был разбросан по тротуару. Это было точно, такой исторический факт. И люди не трогали этот хлеб, люди собрали этот хлеб и отвезли его в магазин, туда, куда надо и раздали остальным людям. Вот это вот, вот это, когда я прочитала, об это факте в Ленинграде, я вспомнила как у нас, никто не воровал того, что мы так сказать посадили. Капусту заготовливали на зиму, картофель там, и прочее, прочее.

- Из ваших соседей, из тех, которые жили раньше в вашем доме, я имею в виду евреев, кто-нибудь из них выжил?

- Одна только Соня. Парикмахер.

- Всего лишь одна женщина?

- Одна женщина. Только Соня. Она вернулась, она была в партизанах.

- То есть она сбежала из гетто к партизанам?

- Да, да. Как она сбежала, она ничего не говорила, потому что, когда она вернулась, она пришла в наш двор, я видела ее, она была еще да... После войны, сразу... Вернее не после войны, а после освобождения Минска был парад партизан, устроили такой парад партизан. Партизаны, со всех уголков Беларуси, были представители партизанских отрядов, и здесь в Минске был такой парад, и она здесь участвовала в этом параде партизан. И она была с автоматом, Соня вошла к нам во двор, ну с ней, разговаривала моя мама, ну и другие люди. И она спросила о том, кто еще приходил, кто еще остался и ей сказали, что больше никто не приходил. И она после этого ушла и больше ее никогда не было. И второй момент, это Либо – хозяин, что я говорила. После войны, пришел его сын, но он был в действующей армии.

- Угу.

- Он пришел, зашел в квартиру к моим родителям, и родителя значит, рассказали, как, что все было, и что значит, нет, ни его мамы, ни семьи, ни отца. А он был в военной форме, он, тоже молча, посидел за этим нашим круглым столом, ну и ушел и все. И больше мы его тоже никогда не видели. И остался он жив или нет, и я между прочим я некоторое время, иногда, ищу в литературе, я читаю, что это очень редкая фамилия – Либо, еврейская. Вот до сих пор я не могу встретить ни в одной прочитанной литературе, даже в художественной, не могу найти эта фамилию, Либо – редкая такая фамилия. Вот так.

- Пожалуй, мы здесь остановимся, спасибо большое вам.

- ...

- У нас еще один вопрос, мы заметили, что вы в прошлый раз рассказывали об офицере, Бруно.

- Да, Бруно. Вот эта семья Козловых, что я вам говорила, Зина и Володя, в подполье были минском. Зина значит, за Зиной, можно сказать ухаживал, проявлял к ней внимание, немецкий офицер. Его звали Бруно. Я уже не знаю, как в имени правильно поставить ударение. Вот, и потом абсолютно точно узнали, что он знал, он знал, что Зина находится в минском подполье. Более того, он сообщал ей о том, где собираются проводить какую-нибудь карательную операцию, на партизан или на евреев.

- В Минске?

- В Минске. И Зина сообщала естественно подпольщикам. Вот. Он приходил к ней в свободное время, опять-таки, свободно себя вел, раздевался там, летом, жарко, ходил во двор, общался с детьми. Он хорошо знал польский язык, а мои родители тоже хорошо знали польский язык, так как они оттуда, с Бреста, а это была Польша. И поэтому, так сказать, они могли общаться между собой, естественно дети нет, да и он на детей не обращал особого внимания, но всегда приносил нам конфеты, те знаменитые немецкие "Бом бом". Он нас угощал. Потом, когда провалилось это минское подполье, и когда арестовали Володю Козлова и Ясинского Геннадия, значит, Бруно, Зину, сумел, значит, предупредить, и значит, спасти. Не дал ее, значит, арестовать полностью. И более того, как потом...и все, где эта Зина делась, как и что, мы не знали, но когда, когда кончилась война, Зина появилась у нас. Что, как, чего? Она была очень измождена и очень больна. И оказывается, он ее отправил в Германию, и Зина уехала в Германию.

- Их все-таки арестовывали или нет?

- Ее все-таки арестовывали, но он ее спас.

- Добился, чтобы ее перевели?

- Да, да. Он ее спас и сумел отправить в Германию. Так нам рассказывала Зина. В Германии она там работала, ну и вернулась оттуда очень больна. Она была больна, у нее, в общем у нее венерические заболевания были. И даже мой отец был знаком с венерологом из второй больницы, ее положили сюда в больницу, но она вскоре умерла.

- И это она рассказывала что...

- Это она рассказывала, когда она вернулась, она рассказывала уже потом, значит, что этот Бруно, помогал ей. Рассказывала, что он предупреждал, где там, какие будут акции. Вот, это она рассказывала уже потом.

- Почему вы говорите, что ему было достоверно известно, что она была в подполье? Он знал, на то время, что она в подполье?

- Известно, это ясно, что известно. Потому что, уже Володю к этому времени, тогда арестовали...

- А он все еще приходил и рассказывал?

- А он, да, еще был тогда.

- Поэтому, а вас возникло такое предположение, что он приходил и рассказывал?

- Понятно, спасибо вам.

- Пожалуйста.

- На этот раз наверное все.